

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ТУРЕЦКИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТЫ (1875—1877 гг.)

Ю. А. ПЕТРОСЯН (Ленинград)

Русско-турецкие отношения на всех этапах Восточного вопроса не раз были предметом исследования в советской историографии. Немало книг и статей посвящено обострению Восточного вопроса в середине 70-х гг. XIX в. и русско-турецким отношениям в этот период¹. Между тем вне поля зрения отечественных историков остается один важный аспект темы. Речь идет о том, какие последствия для русско-турецких отношений имело такое событие как провозглашение первой турецкой конституции в 1876 г., как влияло на русско-турецкие отношения турецкое конституционное движение. Учет этих факторов представляется важным для всесторонней оценки характера русско-турецких отношений в 1875—1877 гг. и непосредственных причин начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В конце 1875—начале 1876 гг. экономическое и внутривнутриполитическое положение Османской империи резко ухудшилось. Неурожай и массовый падеж скота, голод и эпидемии охватили многие из европейских и азиатских районов страны. В таких условиях налоговый гнет, административный произвол и притеснения откупщиков налогов и ростовщиков стали особенно нестерпимыми, постоянно порождали недовольство самых различных слоев населения. Финансовый кризис страны также резко обострился; усилился национальный гнет². Все это вызвало новую волну антифеодальных, антитурецких восстаний на Балканах. На борьбу поднялись крестьяне в Боснии и Герцеговине, повстанцев поддержали Сербия и Черногория. Восстание болгар в Старой Загоре в 1875 г. и еще более значительное апрельское восстание в Болгарии в 1876 г. были потоплены турецким правительством в крови. Эти трагические события вновь поставили в порядок дня европейской политики Восточный вопрос. Вопрос о положении в балканских провинциях Османской империи стал предметом сложной дипломатической игры держав³. Австро-Венгрия боялась развития национальных движений южных славян, опасаясь развития борьбы южных славян, находившихся под владычеством Габсбургов. Отсюда вытекало желание правительства Австро-Венгрии препятствовать освободительной борьбе повстанцев в Боснии и Герцеговине. Противоположную позицию занимала Россия. Она последовательно поддерживала освободительную борьбу народов Балкан. Для России было важно обеспечить себе преобладающее влияние на Балканах, что позволяло в определенной мере держать под контролем черноморские проливы, имевшие исключительное значение для всего юга России. Претензии Англии на господство в проливах и ее открытое противодействие интересам России на Балканах делали соперничество держав в этом регионе и, в

¹ В наиболее полном виде результаты этих исследований представлены в следующих монографиях: В. И. Виноградов. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; Н. С. Кипянина. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974; А. Л. Нарочницкий. Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875—1878. М., 1979; Восточный вопрос во внешней политике России (коллектив авторов). М., 1979; В. А. Золотарев. Россия и Турция. Война 1877—1878 гг. М., 1983.

² См. об этом: Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 71—74.

³ См.: История дипломатии. Т. II (автор тома В. М. Хвостов). М., 1963, с. 81—90.

целом, всю борьбу держав за преобладающее влияние в Османской империи в этот момент очень острой.

В конце декабря 1875 г. сложная дипломатическая борьба сделала реальностью согласованное вмешательство европейских держав в развитие событий на Балканах. Державы потребовали от Порты реализации составленной ими программы реформ в балканских провинциях империи («нота Андраш», 30 декабря 1875 г.)⁴. Хотя нота Андраша была поддержана правительствами всех заинтересованных держав, Австро-Венгрия и Россия по-разному видели путь реализации реформ. Для Австро-Венгрии это был путь к восстановлению в областях, охваченных восстанием, власти султана, а русский министр иностранных дел А. М. Горчаков рассматривал реформы как шаг к автономии, а затем и к независимости Боснии и Герцеговины⁵.

В конце 1875—начале 1876 гг. в политической жизни Османской империи все больше давала о себе знать оппозиция султану и Порте, политическое кредо которой прямо сказалось на русско-турецких отношениях. Первые турецкие конституционалисты, лидером которых стал крупный турецкий государственный деятель Мидхат-паша, возглавили в этот критический для Османской империи момент борьбу против султана Абдул-Азиза и его правительства. В этой борьбе ими широко использовались идеи «общенеперского патриотизма», направленные на то, чтобы погасить огонь национально-освободительной борьбы, сохранить целостность империи и укрепить власть султана и Порты над нетурецкими народами. Не менее широко лидеры конституционного движения использовали антирусскую пропаганду, опыт которой ими уже был накоплен ранее, в 60—начале 70-х гг.

Известно, что движение первых турецких конституционалистов—«новых османов» выдвинуло и отстаивало лозунг борьбы с феодальным абсолютизмом, превращения Османской империи в конституционную монархию, экономической и политической независимости страны. Эти прогрессивные требования сочетались в идеологии и практической деятельности конституционалистов с реакционным подходом к национальным проблемам страны. Турецкие конституционалисты и их лидер Мидхат-паша категорически отрицали право нетурецких народов империи на национально-освободительную борьбу, настойчиво навязывали им доктрину османизма⁶. Мидхат-паша прямо заявлял, что освободительным движениям нетурецких народов империи следует противостоить чувству единой родины и общего патриотизма⁷. Объявив о единстве всех подданных султана в качестве «османов», турецкие конституционалисты сформулировали даже свою концепцию «османской нации» и «османского патриотизма», в основе которой лежало «общее подданство», сходство «географических условий, единство интересов, в том числе экономических, наличие некоей «общеосманской идеи»⁸.

Эмигрантские газеты «новых османов» «Мухбир» («Корреспондент») и «Хюрриет» («Свобода»), издававшиеся в Лондоне в 1867—1870 гг., всячески пропагандировали идеи османизма как средство решения национальных проблем империи. Уже в тот период четко определилась антирусская внешнеполитическая ориентация конституционалистов, прямо вытекавшая из их враждебности по отношению к национально-

⁴ Ф. Мартенс. Восточный вопрос и Брюссельская конференция (1874—1879). СПб., 1879, с. 183.

⁵ История дипломатии. Т. II, с. 90.

⁶ Об идейных воззрениях «новых османов» см.: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 103—136; А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 96—142, 152—154; И. Е. Фадеева. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 133—156.

⁷ M i d h a t - p a ş a. Memalik-i osmaniye'nin mazî ve hal ve istikbalı. Der-i sa'adet 1324 (араб. шрифт), ss. 14—15.

⁸ Р. А. Сафранян. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50—70 гг. XIX в.). Автореферат канд. дисс. Ереван, 1983, с. 18.

освободительным движениям балканских народов, которые Россия последовательно поддерживала. Так, издатели «Мухбир» часто изображали Россию не только в виде подстрекателя освободительных движений балканских народов, но и в качестве врага Османской империи. Антирусская пропаганда была одной из постоянных тем этой газеты, которая пыталась доказывать, что рост национально-освободительных движений в Османской империи — исключительно результат вмешательства России, ее «интриг». Более того, «Мухбир» даже утверждала в мае 1868 г., что само существование Восточного вопроса связано только с Россией, с ее политикой на Ближнем Востоке и в особенности на Балканах⁹. «Ослепленная ненавистью к России, «Мухбир» неизменно, — отмечает ее исследователь А. Д. Желтяков, — с большим одобрением отзывалась о ближневосточной и балканской политике западноевропейских стран, особенно Великобритании, которая маскировала свои захватнические планы провозглашением принципа сохранения статус-кво в Османской империи»¹⁰. Материалы «Мухбир» иллюстрируют прямую связь этого принципа, который Ф. Энгельс характеризовал как увековечение турецкого ига над угнетенными народами империи¹¹, с доктриной османизма, выявляют причины антирусской направленности газеты, ее скрытой проанглийской ориентации.

Примечателен и такой факт. На страницах «Мухбир» в числе «интриг» России называлась не только дипломатическая поддержка греческих повстанцев на о-ве Крит, но и создание в Османской империи русских консульств и даже деятельность русских учителей в болгарских школах. Эту «отвлеченную» критику Мидхат-паша, один из создателей доктрины османизма, перевел в реальные действия. Будучи генерал-губернатором Дунайского вилайета, в котором он, в частности, опробовал ряд элементов османистской доктрины, Мидхат проводил «османизацию» школьного дела среди болгар, имевшую антирусскую направленность. Учителя, получившие образование в России, из учебных заведений изгонялись, на их места брали тех учителей, кто получил образование во Франции и в Австрии. Власти запретами препятствовали посылке болгарских детей на учебу в Россию¹². Сам Мидхат не скрывал в своих воспоминаниях, что реформами в области народного образования он хотел добиться ликвидации традиции отправки болгарских детей на учебу в Россию»¹³.

«Мухбир» часто предоставляла свои страницы материалам из английской прессы по Восточному вопросу. Эти материалы и комментарии издателей газеты имели целью скомпрометировать как национально-освободительную борьбу балканских народов, так и политику России в Османской империи.

Очень близка была к позиции «Мухбир» внешнеполитическая ориентация другой крупной газеты «новых османов» — «Хюррет». Ее издатели также настойчиво пропагандировали доктрину османизма, не скрывали своей враждебности к России и ориентации на Англию. Причина этой ориентации довольно откровенно была сформулирована в газете: «Среди европейских держав Англия больше всех способствует соблюдению прав и сохранению власти Османской империи»¹⁴. Антирусскую пропаганду вела и стамбульская газета «Тасвир-и эфкар» («Изображение идей») в 1865—1867 гг., когда ее редактором был Намык Кемаль — один из наиболее крупных идеологов турецких конституционалистов. Наряду с общим протестом

⁹ А. Д. Желтяков. Указ. соч., с. 114—116.

¹⁰ Там же, с. 115.

¹¹ Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией. — В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9, с. 31.

¹² См. об этом: Р. А. Сафранян. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50—70 гг. XIX в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1983 (машинопись), с. 94.

¹³ M i d h a t - p a s a. T a b s i r a - i - i b r e t. İstanbul, 1325 (араб. шрифт), s. 42.

¹⁴ Цит. по: М. С. К у н т а у. Namık Kemal. Cilt II, kısım I. İstanbul, 1949, s. 759

против иностранной экспансии, на страницах этой газеты открыто велась пропаганда против национально-освободительных устремлений нетурецких народов, а также против России. Русский посол Н. П. Игнатьев отмечал в одном из своих донесений, что «Кемаль обратил на себя внимание своей враждебностью по отношению к России»¹⁵.

Османнизм стал главным орудием конституционалистов в борьбе с национально-освободительными устремлениями нетурецких народов империи. Именно его они постоянно использовали в условиях резкого обострения Восточного вопроса в 1875—начале 1876 гг. Одной из наиболее крупных политических акций конституционалистов в этот период был получивший широкую известность «Манифест мусульман-патриотов», составленный в духе османистских идей «новых османов»¹⁶. В числе его авторов один из современников называл Мидхата и видного деятеля конституционного движения Халиля Шерифа¹⁷. Во всяком случае, современные исследователи отмечают, что идеи этого документа во многом совпадают со взглядами Мидхата, изложенными им в 1878 г. в брошюре «Турция. Ее прошлое, ее будущее»¹⁸. Основное содержание манифеста сводилось к тому, что Восточный вопрос должен и может быть решен с помощью умного монарха, опирающегося в своих действиях на совещательную палату, составленную из представителей всех народов и религий страны. Авторы доказывали, что религиозно-политические законы мусульман не препятствуют прогрессу. Требования каких-то особых реформ в положении христианских подданных Порты в «Манифесте» отводились под тем предлогом, что мусульмане в Османской империи также страдают от произвола и деспотизма, ликвидация которого решит все проблемы страны. Авторы «Манифеста» заявляли о своем стремлении к созданию парламента и организации управления, в известной мере, по английскому образцу.

Авторы «Манифеста» разослали его государственным деятелям ряда европейских держав. Политическая цель этого документа сводилась к попытке предотвратить вмешательство держав в события на Балканах. Не случайно он не был направлен представителям Австрии и России, которые поддерживали—каждая в своих целях—повстанцев в Боснии и Герцеговине.

Когда весной 1876 г. конституционалисты начали открытую борьбу с султаном и его правительством, они умело использовали в антиправительственной агитации тот факт, что крайне непопулярный, даже ненавистный массам великий везир Махмуд Недим-паша имел репутацию деятеля, ориентировавшегося в своей политике на Россию. Глава Порты, действуя с согласия султана, поддерживал постоянные контакты с русским послом Н. П. Игнатьевым, стремясь обеспечить султану и его правительству поддержку русского царизма, в крайнем случае ослабить его поддержку повстанцам на Балканах или обеспечить более выгодный Османской империи вариант реформ в балканских провинциях.

В этот период шли непрерывные переговоры и консультации европейских держав относительно дальнейших мер в балканских провинциях Османской империи, ибо «пота Андраши», отвергнутая повстанцами, потребовавшими вывода из их областей турецких войск, оказалась безуспешной. Русская дипломатия пыталась вновь поставить вопрос об автономии славянских областей Балкан, но Австро-Венгрии удалось свести это предложение к реформам, учитывающим требования повстанцев. В результате был составлен так называемый

¹⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1867, д. 31, лл. 629 об.—630; цит. по: Р. А. Сафранян. Указ. дисс., с. 110.

¹⁶ См. полный текст «Манифеста»: *Sambul und das moderne Türkentum (politische, soziale und biographische Bilder), von einem Osmanen. Bd II. Leipzig, 1878, SS. 94—106; СПб. ведомости, 2. VII. 1876.*

¹⁷ В. А. Теплов. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе. СПб., 1897, с. 13—14.

¹⁸ И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 75.

«Берлинский меморандум», который в общих чертах предупреждал Порту и о том, что в случае непринятия предложений держав последние предпримут «действительные меры» для «предотвращения дальнейшего развития зла»¹⁹. Англия не поддержала «Берлинский меморандум», считая, что его реализация укрепит позиции России. В свою очередь Англия намеревалась использовать момент для общего усиления своего влияния на турецкое правительство и его политику. Не случайно так активизировалась в этот момент английская дипломатия в турецкой столице, покровительствуя тем силам, которые, имея «либеральную» репутацию, открыто боролись против национально-освободительного движения на Балканах и против подерживавшей их России.

Примечательно и то, что события в Стамбуле в мае 1876 г., которые привели сначала к падению Махмуда Недима, а затем и к низложению султана Абдул-Азиза²⁰, начались с антиправительственной агитации, которая обвиняла великого везира в уступках требованиям России, поддерживающей повстанцев в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Столица была буквально наводнена слухами о том, что русский посол заправляет всеми государственными делами, а султан обратился к России с просьбой прислать в Стамбул 30 тыс. солдат для охраны его особы²¹. Эти рассказы, конечно, не были первопричиной недовольства населения правительством, но умело распускавшиеся слухи сильно наэлектризовали фанатичные толпы учащихся медресе—софт, ставших ударной силой антиправительственной оппозиции и лидера конституционалистов Мидхата. Заслуживает внимания такой факт, рассказанный очевидцем событий. За несколько дней до многотысячного выступления софт, закончившегося низложением Махмуда Недима, 24 апреля 1876 г. стамбульская газета «Левант Геральд», издававшаяся на английском и французском языках, опубликовала статью, направленную против русского посла в Стамбуле. Написанная в оскорбительном тоне, она представляла Н. П. Игнатьева причиной всех бед империи, которую он довел до пропасти, завладев доверием правительственных сановников. Ему приписывалось подстрекательство Боснии и Герцеговины к восстанию, стремление воспрепятствовать благим начинаниям Порты и т. п. И хотя послы держав, в том числе английский, формально заявили протест против этой статьи, ее на следующий день перепечатали почти все местные газеты, а русское посольство даже начало получать анонимки с угрозами. Между тем, как отмечал очевидец, все в столице знали, что «Левант Геральд»—орган Мидхата, а памфлетист—человек, близкий к английскому посольству²².

Интересны и сведения о настроениях мусульманского населения в провинциях после дворцового переворота в конце мая 1876 г. Русский консул в Трабзоне (Трапезунде) Н. Тимофеев сообщил вскоре после низложения Абдул-Азиза, что в местных кофейнях читаются турецкие газеты, в которых бранят Россию и ее представителей, мусульманское население возбуждается, идут разговоры о «священной» войне с Россией. Даже местный генерал-губернатор Ахмед Расим—«ближайший родственник Мидхата, сторонник его и почитатель его политики»—позволял себе открытые призывы к войне с Россией²³. Консул отмечал, обобщая эти факты, что антирусская пропаганда в Трабзоне была, как об этом говорят, следствием «внушений Мидхат-паша, ставшего во главе правления и оградившего себя оплотом софт...»²⁴

¹⁹ Цит. по: История дипломатии. Т. II, с. 91.

²⁰ См. об этом: Ю. А. Петросян. ук. соч., с. 86—96.

²¹ Ahmed Midhat. Üss-ü inkılap. 1 kısım. İstanbul, 1244 (араб. шрифт), s. 201.

²² См.: Двухмесячное пребывание в Константинополе в смутное время с 3 мая по 3 июля 1876 (воспоминания русского туриста).—Русский вестник. Т. 124, № 8, 1876, с. 881—882.

²³ АВГР, ф. Главный архив, УА², д. 940, 1876, лл. 19—20.

²⁴ Там же, л. 21.

Разговоры подтверждались и фактами. Через три недели Н. Тимофеев сообщал, что местный генерал-губернатор Ахмед Расим, ранее бывший с русским консулом в наилучших отношениях, стал избегать встреч, постоянно совещаясь в то же время с английским, французским и итальянским консулами. В эти же дни в Трабзоне начали циркулировать слухи, что Англия, Германия и Турция объединились против России. Получаемая из столицы турецкая газета «Басирет» («Проницательность») своими материалами усиливала антирусскую пропаганду²⁵. В августе 1876 г. Н. Тимофеев вновь сообщал о том, что генерал-губернатор пропагандировал среди местного населения идеи войны против России, распространял слухи о якобы имеющих место военных приготовлениях России и т. д.²⁶

Нечто подобное происходило в эти месяцы и в другом крупном административном центре—Эдирне (Адрианополе). Здешний русский консул Г. Иванов также отмечал рост враждебности по отношению к России среди мусульманского населения²⁷, которому власти и пресса постоянно внушали, что именно Россия возбуждает болгар и подстрекает их к борьбе за освобождение. После дворцового переворота в Стамбуле русский консул неоднократно сообщал из Эдирне о росте антирусских настроений среди местного мусульманского населения, слухах о войне с Россией, с тем, что новый султан намерен потребовать у России издержек, связанных с восстанием в Боснии и Герцеговине, и даже возврата Крыма²⁸. Конечно, слухи нагромождали одну на другую и разные нелепости, но не случайно в том же Эдирне низложенного великого везира Махмуда Недима ругали главным образом за то, что он имел репутацию «московского везира». По словам русского консула в Эдирне, недовольство масс правительством и их ненависть к иностранцам сосредоточились на низленном султани, отстраненном от власти Махмуде Недиме, которого считали виновником чуть ли не всех бед страны, а также на ненависти к России²⁹.

Такие настроения были распространены не только в провинциях, но и в столице, где крупные турецкие газеты «Басирет» и «Вахит» («Время») регулярно освещали обстоятельства Восточного вопроса с откровенно антирусских и антиславянских позиций, перепечатывая антирусские материалы из ряда крупных европейских газет, агитируя за решительное подавление повстанческой борьбы на Балканах³⁰. Газета «Сабах» («Утро») в мае-августе 1876 г. не раз печатала статьи, направленные против повстанцев в Боснии и Герцеговине и поддержавших их сербов и черногорцев. Все эти события на страницах газеты квалифицировались как «злоумышленный мятеж славян против османов, и особенно против мусульман». Газета призывала к сплочению всех «османов», резко выступала против России³¹. В действиях Мидхата и его сторонников весной 1876 г. прослеживалась тенденция опереться на поддержку западных держав для обеспечения своих конституционных планов («Манифест мусульман-патриотов») и противодействия России на Балканах.

Все эти детали складывались в определенную картину. Борьбу за конституционные преобразования Мидхат и его сторонники стремились вести на гребне «общеосманского патриотизма», решительного подавления восстаний на Балканах и жесткого курса по отношению к России. Это проявилось как в период борьбы за конституцию, так и особенно после ее провозглашения. Причем у такой политики было очень простое объяснение. Конституционные лозунги «словых османов» мусульманские массы встречали крайне настороженно, а порой и неприязненно³². Желая иметь

²⁵ Там же, лл. 26—27, 30.

²⁶ Там же, лл. 38—39.

²⁷ АВПР, ф. Главный архив, УА², д. 25, 1876, л. 23.

²⁸ Там же, л. 59.

²⁹ Там же, лл. 59—60.

³⁰ А. Д. Желтяков. Указ. соч., с. 165.

³¹ Там же, с. 163.

³² См. об этом: Ю. А. Петросян. ук. соч., с. 115—116.

политическую поддержку населения столицы, первые турецкие конституционалисты делали ставку на лозунги сохранения империи и власти турок над покоренными народами Балкан, а также борьбы с Россией, ставшей их опорой. Именно этим в первую очередь объяснялась крайняя враждебность турецких конституционалистов 60—70-х гг. по отношению к России. Несмотря на стремление русского царизма обеспечить свои интересы на Ближнем Востоке, что было характерно для действий и других европейских держав в Восточном вопросе, политика России объективно сыграла большую роль в освобождении народов Балкан от турецкого ига. Ф. Энгельс еще в 1853 г. отмечал, что «девять десятых населения Европейской Турции будут видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»³³.

В конце июня 1876 г. Сербия и Черногория, поддерживая повстанцев в Боснии и Герцеговине, объявили войну Турции. Не случайно именно в эти дни в турецкой столице была возобновлена постановка пьесы Намыка Кемаля—одного из идеологов «новых османов»—«Отечество, или Силистрия», в которой воспевались патриотические чувства на материалах событий, связанных с осадой турецкой крепости Силистрия (на правом берегу Дуная) русскими войсками весной 1854 г.³⁴ Характерно, что при постановке пьесы было объявлено, что собранные от спектаклей средства будут использованы на нужды турецких войск в Сербии и Черногории³⁵. «Новые османы» активно участвовали в агитации за создание добровольческих отрядов, предназначенных для участия в боях против «врагов отечества». Используя османские идеи, организаторы добровольческих отрядов пытались даже вовлечь в них и добровольцев-христиан для защиты «общей родины». Русский дипломат В. А. Теплов писал в своих воспоминаниях, что кумиром добровольческих отрядов был Мидхат, не раз выступавший перед ними с патриотическими речами³⁶. На знамени одного из таких отрядов Мидхат-паша даже соединил крест, звезду и полумесяц, стремясь таким образом подчеркнуть и символизировать единство всех «османов»—мусульман и христиан в борьбе с врагами «общей родины»³⁷.

Все эти мероприятия постоянно сопровождались агитацией против повстанцев на Балканах и в России. Нельзя не отметить в этой связи, что многие слои русской общественности стремились оказать материальную помощь повстанцам. В этот период усилилось общественное движение в России в защиту южных славян, проводились сборы пожертвований. Многие русские добровольцы самоотверженно сражались за свободу балканских народов. Но царское правительство отнюдь не содействовало порывам общественности страны³⁸. Например, когда Московский славянский комитет собрал в купеческой среде 150 тыс. рублей на вооружение болгар и купил за границей 10 тыс. ружей, 12 пушек и боеприпасы, то царские власти не пропускали купленное вооружение через границу, боясь внешнеполитических осложнений. Только после начала русско-турецкой войны это оружие попало к болгарским ополченцам³⁹. Этот пример наглядно свидетельствует о том, что Россия искала мирного решения конфликта тогда, когда ее называли в правительственных и общественных кругах турецкой столицы «подстрекателем» повстанцев.

³³ Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией, с. 32.

³⁴ О содержании пьесы см.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II. М., 1961, с. 362—363.

³⁵ М. С. Кунтау. *Op. cit.* Силт II, kısım I, s. 726. А. Д. Желтяков отмечает, что за три года пьеса эта ставилась на подмостках Стамбула, Салоник и Измира 600 раз (А. Д. Желтяков. Указ. соч., с. 163).

³⁶ В. А. Теплов. Указ. соч., с. 102.

³⁷ И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 80.

³⁸ История дипломатии. Т. II, с. 87—88, 93—94; А. Л. Нарочницкий. Балканский кризис 1875—78 гг. и великие державы.—Вопросы истории. 1976, № 11, с. 39, 40.

³⁹ С. А. Никитин. Россия и освобождение Болгарии.—Вопросы истории. 1978, № 7, с. 58—59.

Между тем вторая половина 1876 г. была отмечена бурными политическими событиями в столице Османской империи. В августе вновь произошла смена монарха, больного Мурада V сменил на троне будущий кровавый деспот Абдул-Хамид II. Шла острая борьба в правящих кругах вокруг вопроса о провозглашении конституции, причем силы ее сторонников во главе с Мидхатом отнюдь не располагали твердым большинством в правительстве. Поскольку конституционалисты не имели прочной социальной базы и не стремились опереться в борьбе с султанским абсолютизмом на народные массы, они постоянно лавировали, нащупывая возможное соглашение с крайне монархической бюрократической элитой и высшим мусульманским духовенством для реализации конституционных проектов⁴⁰. Для достижения своих целей конституционалистам оставалось лишь надеяться на извлечение выгод для себя из внешнеполитических факторов. Поскольку внешнеполитическое положение империи постоянно было в центре внимания всех социальных слоев мусульманского населения, конституционалисты получали крупный политический выигрыш от своей репутации людей, готовых пойти на войну с Россией ради интересов родины. Мидхат и его единомышленники и в этот период широко использовали османпестские идеи, пытаясь противопоставить их лозунгам национально-освободительных движений, убедить, в частности, балканских христиан в возможности равенства и братства всех народов империи.

Когда русско-турецкие отношения резко обострились из-за решительной поддержки Россией Сербии в ее войне с Османской империей, Мидхат и конституционалисты начали поощрять Высокую Порту в ее готовности противостоять русскому влиянию на Балканах. Во всяком случае, когда в результате ультиматума царского правительства от 31 октября 1876 г. Порты согласилась на двухмесячное перемирие и тут же начала активные военные приготовления ввиду возможного вооруженного столкновения с Россией, Мидхат и его сторонники были в числе сторонников решительных мер. Н. П. Игнатьев, вспоминая об обстоятельствах вручения ультиматума, писал, что он буквально ошеломил турок, но именно с этой минуты «крайние мнения мидхатовской партии, давно толковавшие о неизбежности разрыва с Россией, взяли решительно перевес над умеренными воззрениями наших старых друзей, и с этого лишь дня Турция принялась за серьезные приготовления к войне с нами»⁴¹. Мидхат занимал в эти дни высокий пост президента Государственного совета, был председателем комиссии по разработке проекта конституции. Он и его сторонники активно поддержали правительство, когда оно приняло решение о новых военных приготовлениях. Порты постановила, в частности, заказать за границей большое количество боеприпасов, укомплектовать до ста новых батальонов для армии и начать вербовку добровольцев в ополчение⁴². Конституционалисты, которые в этот период резко расходились с руководителями Порты по вопросу о целесообразности конституционных реформ или их возможном характере, проявили в этом вопросе столько единодушия с кабинетом министров, что создали, по инициативе их лидеров Намыка Кемалья и Зии, комитет по вербовке в «национальную гвардию». Его председателем стал тот же Мидхат, перед домом которого добровольцы проводили демонстрации. Последнее обстоятельство, возможно, и помогло противникам конституционалистов не дать развития этой инициативе, ибо она грозила усилением сторонников конституции, для которых «национальная гвардия» могла стать реальной массовой опорой⁴³. Трудно, конечно, судить о возможных результатах этого начинания, но его смысл очевиден: конституционалисты еще раз стремились доказать

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Ю. А. Петросян. Первая турецкая конституция (к столетию со дня провозглашения).—Народы Азии и Африки. 1976, № 6, с. 76—85.

⁴¹ Записки Н. П. Игнатьева (1875—1877).—Исторический вестник. 1914, т. 136, с. 449.

⁴² Там же, с. 450.

⁴³ M. C. Kuntay. Namık Kemal. Cilt I. İstanbul, 1949, s. 296; Ahmed Saib. Abdülhamid'in evvel sultanatı. Mısır, 1326 (араб. шрифт), s. 66.

свой патриотизм. В то время это становилось для них все более и более важным, ибо борьба вокруг конституционного проекта явно вступала в решающую фазу.

Здесь уместно отметить, что решимость султанского правительства противостоять настойчивым требованиям русской дипломатии об удовлетворении законных требований повстанцев на Балканах, а также общие антирусские тенденции конституционалистов постоянно укреплялись и подогревались английскими дипломатами в турецкой столице⁴⁴. Английский посол Г. Эллот, о котором Н. П. Игнатьев писал, что он поддержал лидеров конституционалистов из желания противодействовать влиянию России в Стамбуле⁴⁵, с весны 1876 г. оказывал постоянное содействие Мидхату и его сторонникам. Один европейский дипломат отмечал в декабре 1877 г., что уже зимой 1875—1876 гг. Г. Эллот установил постоянные контакты с Мидхатом и его единомышленниками, обсуждавшими вопрос о спасении империи с помощью введения конституционного управления⁴⁶. Известны и факты материальной поддержки, оказанной Мидхату и его сторонникам английскими эмиссарами в Стамбуле. Так, известный туркофил и член английского парламента Батлер-Джонстон снабжал бунтовавших софт деньгами и оружием⁴⁷. Не случайно, что накануне низложения Абдул-Азиза в Безпекской бухте у входа в Дарданеллы стала на якорь сильная английская эскадра, вызванная Г. Эллотом якобы для защиты английской колонии от царивших в Стамбуле беспорядков. На деле же это было стремление укрепить Порту в ее намерении противодействовать требованиям России о реформах в балканских провинциях империи. Турецкий историк Ахмед Санб писал о том, что английское правительство покровительствовало «османской партии свободы» (т. е. конституционалистам). Он же отмечал, что английский посол в Стамбуле поддерживал организаторов дворцового переворота в мае 1876 г., имея в виду выгоды, которые сможет извлечь из этого Англия⁴⁸.

Вопрос о целях и методах английской дипломатии в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. исследовался многократно. Советские историки, опираясь на изучение широкого круга источников, установили, что «действия Англии на Балканах и на Ближнем Востоке в целом в 1875—1878 гг. отражали ее экспансионистский курс, направленный на противодействие национально-освободительным движениям балканских народов против турецкого владычества, подчинение британскому влиянию Турции и частичный раздел или захват ее владений, особенно Египта и Кипра»⁴⁹. Этими целям и было подчинено стремление английской дипломатии подтолкнуть Порту к войне с Россией, войне, которая ослабила бы обе стороны, а в результате укрепила бы позиции Англии в этом районе мира.

В конце сентября 1876 г. состоялся большой чрезвычайный совет Порты, на котором была принята программа реформ, подготовленная Мидхатом. По мнению русского посланника в Стамбуле Нелидова, она была подготовлена при покровительстве английского посольства и противопоставлялась требованиям о реформах в Болгарии, Боснии и Герцеговине. Суть программы состояла в обещании создать «совещательную национальную ассамблею» с участием христианских подданных Порты, расширить права вилаетских властей и участие христиан и мусульман в работе вилаетских выборных органов, организовать должным образом муниципальную и по-

⁴⁴ См. об этом: Х. Муратов. Роль Англии в «восточном кризисе». — Историк-марксист. 1940, кн. 7, с. 67—76.

⁴⁵ Там же, с. 71.

⁴⁶ Россия и Англия в Турции в 1876—1877 гг. — Русская старина. Т. 86, май 1896, с. 275.

⁴⁷ См. об этом: Записки графа Н. П. Игнатьева, с. 55; Россия и Англия в Турции..., с. 277; В. А. Теплов. Указ. соч., с. 15, 36.

⁴⁸ Ahmed Saib. Tarih-i meşrutiyet ve sark mesele-i hazırası, İstanbul, 1328 (араб. шрифт) s. 65; idem. Tarih-i sultan Murad. Mısır (т. г., араб. шрифт) s. 58.

⁴⁹ А. Л. Нарочницкий. Балканский кризис..., с. 47.

лицейскую службу. Наконец, программа, принятая Советом, подтверждала, что Порты принимает меры, предложенные «нотой Андраши», но для всех провинций империи⁵⁰. Таким образом, мероприятия по удовлетворению первостепенных требований балканских повстанцев как бы растворялись в общей программе реформ для всей империи. И действительно, позторное заседание чрезвычайного совета Порты, состоявшееся через неделю, подчеркнуло, что автономные права для Боснии, Герцеговины и Болгарии представляются излишними⁵¹.

Политика противодействия всем требованиям России о реформах в балканских провинциях была постоянным внешнеполитическим курсом Мидхата и его единомышленников в течение всего периода их борьбы за провозглашение конституции. Этим они достигали по крайней мере двух целей: укрепляли свои позиции и авторитет в качестве защитников целостности империи, а обостряя русско-турецкие отношения, внушали султану и высшей бюрократии мысль о том, что провозглашение конституции—единственное радикальное средство для противодействия политике России на Балканах. В частности, Н. П. Игнатьев писал относительно вопроса о заключении Портой мира с Сербией и Черногорией, что цель Мидхата и «его партии» в этом вопросе состояла в том, чтобы продлить перемирие до намеченного на март 1877 г. созыва палаты депутатов⁵². Очевидно, что имелось в виду представить этот акт как такое решение общих проблем империи, при котором отпадает нужда в «частных» реформах в балканских провинциях.

Ситуация, созданию которой немало содействовали конституционалисты, в какой-то момент действительно решающим образом сказалась на борьбе сторонников и противников первой турецкой конституции. В начале декабря 1876 г. внешнеполитические обстоятельства оказали, пожалуй, определяющее влияние на судьбу конституционного плана Мидхата. 11 декабря в Стамбуле собралось совещание представителей европейских держав для рассмотрения проекта автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, который должен был быть предложен Порте и реализован под контролем держав. На конец декабря была намечена международная конференция в Стамбуле с участием турецких представителей. Реальность вмешательства держав стала настолько очевидной, что султан Абдул-Хамид II, всячески пытавшийся сорвать или оттянуть решение вопроса о конституции, назначил Мидхата великим везирем, а 23 декабря, в день открытия конференции держав, была провозглашена первая турецкая конституция. И хотя уполномоченные держав отвергли заявление турецкого делегата о нецелесообразности работы конференции ввиду в корне изменившейся политической обстановки в Османской империи, работа конференции была практически сорвана. Турецкие представители упорно отказывались обсуждать предложения держав, ссылаясь на конституцию, даровавшую всем подданным страны равные права, сделавшую всех «османов» братьями. В эти дни стамбульские газеты опубликовали статью драгомана великого везира Мидхата-паши Халиля Ганема, в которой вновь выдвигалась доктрина османизма, ставшая отныне конституционной, ибо статья о новой конституции объявляла всех подданных «османами». В своей статье Халиль Ганем высказывался против европейского вмешательства в дела Османской империи, утверждал единство всех ее наций в качестве «османов», заявлял о способности Османской империи самостоятельно провести нужные ей реформы и возродить себя⁵³.

Подобные настроения в немалой степени подогревались английскими дипломатами в Стамбуле. Английский посол и другие официальные и частные английские эмиссары внушали Порте мысль о том, что в случае военного столкновения с Россией Османская империя может рассчитывать на военную поддержку Англии. Позже:

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1876, д. 31, лл. 346—347.

⁵¹ Там же. лл. 390—391.

⁵² АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1876, д. 32, л. 238.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1877, д. 22, лл. 408, 413.

Мидхат говорил в беседе с корреспондентом английской газеты, что султан не решился бы отклонить предложения держав и рисковать в войне с Россией, если бы «не рассчитывал конфиденциально на поддержку со стороны Англии»⁵⁴. Но именно на это рассчитывал и сам Мидхат, о чем ясно говорят его собственные действия в декабре 1876—феврале 1877 гг.

Когда вечером 23 декабря наэлектризованная многотысячная демонстрация по случаю провозглашения конституции достигла дома Мидхата, демонстранты открыто потребовали отклонить требования держав и начать войну против России. Великий везир считал нужным выступить перед демонстрантами и заверить их в своей готовности защитить честь и права государства⁵⁵. И действительно, главное внимание возглавлявшегося Мидхатом правительства было сосредоточено на подготовке к войне с Россией после срыва конференции держав, которая для России была последней попыткой мирным путем решить балканский вопрос.

В качестве главы правительства Мидхат предпринимал в этот период самые энергичные меры по укреплению армии. В пограничных с Россией районах шли усиленные фортификационные работы, сюда подтягивались воинские контингенты. В военных мероприятиях правительства участвовали английские советники и инструкторы. Английский посол Эллотт продолжал внушать руководителям Порты, что в случае военного столкновения с Россией Османская империя получит поддержку Англии⁵⁶. Зять Мидхата Веффик-бей писал в своих воспоминаниях, что Мидхат рассчитывал на эту поддержку, когда так решительно шел на обострение русско-турецких отношений⁵⁷. Во имя военных приготовлений Порты, возглавляемая реформатором Мидхатом, повсеместно проводила обременительные для населения поборы, вынуждала его делать экстраординарные продовольственные и денежные взносы на нужды армии. Правительство продолжало выпуск все более обесценивавшихся бумажных денег с принудительным курсом, пыталось получить внешние займы⁵⁸.

Финансово-экономическое положение страны продолжало оставаться критическим. Недовольство самых разных слоев населения отнюдь не уменьшилось после провозглашения конституции, которую, как об этом сообщали в конце декабря 1876—начале января 1877 гг. многие очевидцы—русские дипломаты, большинство населения провинций встретило без энтузиазма, порой холодно (мусульмане) или крайне недоверчиво (христиане)⁵⁹.

Все это, тем не менее, не мешало Мидхату и его сторонникам продолжать жесткий курс в русско-турецких отношениях. Эту политику поддерживали и такие лидеры «новых османов», как Намык Кемаль и Зия, которые многие годы отстаивали в своей публицистике принципиальную установку на невмешательство иностранных держав в дела государства. Эта прогрессивная в целом установка в конкретной ситуации Восточного вопроса на рубеже 1876 и 1877 гг. практически противопоставлялась справедливой и исторически оправданной борьбе славянских народов Балкан за свое освобождение, за образование независимых национальных государств. В результате и в русско-турецких отношениях конституционалисты выступали с великодержавных агрессивных позиций. Следуя этим курсом, Мидхат 18 января 1877 г. объявил на совещании высших сановников и духовных лиц империи о непримлемости предложений европейских держав, не делая секрета из того, что

⁵⁴ Цит. по: Х. Муратов. Указ. соч., с. 77.

⁵⁵ Ahmed Saib. Abdülhamidin evrârı sultanatı, ss. 57—58.

⁵⁶ Центральный гос. военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 401, д. 26^о, л. 24; Х. Муратов. Указ. соч., с. 75.

⁵⁷ M. K. Inal. Osmanlı devrinde son sadrazamlar. Cuz III. İstanbul, 1942, ss. 350—352.

⁵⁸ См. об этом: Ю. А. Петросян. ук. соч., с. 119—120.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. V, д. 2, лл. 658, 661, 676; ф. 401, д. 26^о, л. 30; АВПР, ф. Главный Архив, УА2, д. 940, л. 72.

их отклонение чревато трудной для страны войной с Россией. Совещание решительно отклонило предложения о реформах, выработанные конференцией держав. Через несколько дней ее работа была прекращена. На этом, по сути дела, прекратилась и дипломатическая прелюдия к военному конфликту между Россией и Турцией. Правда, когда обстановка была уже накалена до предела, Мидхат пытался, по некоторым сведениям, зондировать почву для возможного соглашения с Россией. В частности, встретившись неофициально после провозглашения конституции с первым драгоманом русского посольства, Мидхат убеждал его в том, что Россия не должна настаивать на предложениях конференции держав и дать Османской империи время для освоения новых государственных институтов. Великий везир и глава конституционалистов считал нужным предупредить русского дипломата, что возможная война будет для России нелегкой. Более того, он намекал в этой беседе на сочувствие к Османской империи со стороны мусульман—подданных России, которые, по его словам, не остались бы в этом случае безучастными. В ходе беседы, протекавшей в таком духе, Мидхат предлагал России и сепаратные переговоры, но удовлетворение требований России явно мыслилось им в русле насущных интересов Османской империи⁶⁰. Как видно, Мидхат действовал со свойственной этому деятелю энергией, тем более что положение конституционалистов было крайне непрочным. Мидхат вновь пытался его упрочить дипломатическими махинациями.

И все же нараставший конфликт между султаном, отнюдь не склонным выполнять положения конституции, и Мидхатом в начале февраля 1877 г. кончился его отстранением от должности. Хотя султан и крайняя феодально-клерикальная реакция нанесли решительный удар по сторонникам конституции, выслав Мидхата за пределы империи, проводившийся совместно конституционалистами и реакционно-консервативными силами курс на обострение русско-турецких отношений не изменился.

Между тем Россия вновь и вновь делала попытки найти дипломатическое решение конфликта⁶¹. Русский посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев со специальной миссией посетил в марте 1877 г. столицы ряда европейских держав, добиваясь подписания соглашения об условиях мира Сербии и Черногории с Османской империей. Переговоры были трудными для русской дипломатии, ибо Англия, например, потребовала провести демобилизацию русской армии, а Франция предлагала изменения к проекту, выгодные для Порты⁶². Наконец был согласован так называемый «Лондонский протокол», который призывал Порту вернуть войска «в положение мирного времени» и провести необходимые реформы для улучшения положения христианских подданных. Не очень определенно протокол заявлял о возможности держав принять меры для «обеспечения благосостояния христианского населения и всеобщего мира»⁶³. Но даже это достаточно мягкое для сложившейся ситуации на Балканах дипломатическое представление держав Порте сочла возможным отклонить, проявив еще раз великодержавный курс в событиях на Балканах. Порта отвергла 9 апреля 1877 г. согласованные требования держав о реформах, отклонение которых предоставляло России, по соглашению с Англией, свободу действий в русско-турецких отношениях. Эта твердая и неуступчивая позиция Порты в немалой степени была продиктована непрекращавшейся закулисной игрой английской дипломатии, которая своими тайными посулами поддержки Османской империи толкала Порту к войне с Россией⁶⁴. Явное нежелание правящих кругов Османской империи искать пути к соглашению, избежать вооруженного столкновения поддерживали и депутаты первого турецкого

⁶⁰ АВПР. ф. Канцелярия МИД, д. 33, лл. 634—637. Излагается по: И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 90—91.

⁶¹ См. об этом: К. Б. Виноградов. Накануне русско-турецкой войны 1877 года.—История СССР. 1978, № 7, с. 134—144.

⁶² С. А. Никитин. Указ. соч., с. 60.

⁶³ Цит. по: История дипломатии. Т. II, с. 116.

⁶⁴ См. об этом: А. А. Улунян. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971, с. 19—21; И. Е. Фадеева. Указ. соч., с. 101.

парламента, которые в прениях высказывались против любых территориальных уступок Черногории, ссылаясь на статью 1-ю конституции 1876 г., не допускавшую отречения от империи какой-либо части⁶⁵.

К весне 1877 г. развитие событий вплотную подошло к рубежу войны. Более чем полуторалетние попытки русской дипломатии избежать этой войны как путем международных соглашений, так и двусторонними переговорами с Портой не дали результатов. Оценивая позицию России на Балканах в этот период, А. Л. Нарочницкий отмечает, опираясь на многолетние исследования историков, изучавших Восточный кризис 1875—1877 гг.: «документально установлено, что царское правительство (прежде всего Александр II, князь А. М. Горчаков, военный министр, министр финансов, шеф жандармов и др.) длительное время всячески пыталось добиться разрешения Балканского кризиса дипломатическим путем, стараясь удержать от войны Сербию и Черногорию. Причиной тому были слабая подготовленность России к войне, финансовые трудности, нежелание форсировать развал Османской империи в условиях, когда этим вследствие военной и экономической слабости России с наибольшей выгодой могли воспользоваться Англия, Австро-Венгрия и другие великие державы, страх перед возможностью их новой коалиции против России»⁶⁶. Сказанное объясняет стремление России мирным путем добиться от султана и Порты результативных реформ в балканских провинциях, лишший раз напоминает о бездоказательности версии о том, что Россия подстрекала повстанцев в Боснии и Герцеговине, побуждала к мятежам болгар, что именно ее политика была причиной нагнетания военной напряженности на Балканах.

Оценивая роль конституционалистов в русско-турецких отношениях, следует принять во внимание и позицию Мидхата, находившегося тогда в Европе, в условиях начавшейся в апреле 1877 г. войны между Россией и Турцией. Побывав в эти месяцы в ряде западноевропейских столиц, изгнанный глава конституционалистов пытался обеспечить Османской империи дипломатическую поддержку держав, рассчитывая главным образом на Англию. В своих воспоминаниях об этом периоде Мидхат ретроспективно оценивал ситуацию и писал, что Порте надо было все же согласиться со вторичными требованиями держав (после провала конференции), ибо война с Россией грозила большими потерями⁶⁷. Возможно, Мидхат высказал здесь свое истинное отношение к вопросу о позиции, которую должна была занимать Османская империя перед лицом реальной возможности военного конфликта с Россией. Конституция, та цель, ради достижения которой Мидхат готов был пойти на войну с Россией, была достигнута и ей, казалось, ничто не угрожало. Теперь можно было, по мнению Мидхата, попытаться отвести угрозу войны, последствия которой при любых обстоятельствах должны были быть крайне тяжелы для экономически слабой страны, какой являлась в то время Османская империя. Во всяком случае турецкая бюрократия еще не забыла политических результатов русско-турецкой войны 1828—1829 гг., принесших независимость Греции. Обстоятельства этой войны отчасти повторялись, и успехи русского оружия теперь принесли освобождение Болгарии. В этих условиях находившийся в изгнании Мидхат продолжал пребывать в убеждении, что национально-освободительное движение на Балканах есть результат лишь происков и интриг внешних врагов империи (т. е., по его мнению, России), и пытался воззвать к политическому влиянию европейских держав ради сохранения турецкой власти на возможно большей территории Болгарии. Именно такова была позиция Мидхата после подписания Сан-Стефанского договора. Это событие стало поводом для написания брошюры Мидхата «Турция. Ее прошлое, ее будущее»⁶⁸, ставшей широко известной, в которой автономии Бол-

⁶⁵ См. об этом подробнее: Ю. А. Петросян. *Ук. соч.*, с. 123—126, 132—133; П. Е. Фадеева. *Указ. соч.*, с. 92—93.

⁶⁶ А. Л. Нарочницкий. *Указ. соч.*, с. 35—36.

⁶⁷ П. Е. Фадеева. *Указ. соч.*, с. 102.

⁶⁸ Midhat Pacha. *La Turquie. Son passé, son avenir*. Paris, 1873.

гарии, зафиксированной договором, противопоставлялся свой проект раздела Болгарии, который предусматривал сохранение большей ее части под властью султана. Примечательно, что экземпляр своего труда Мидхат направил английскому премьер-министру Биконсфилду⁶⁹. Брошюра Мидхата была буквально пронизана неприязнью к национально-освободительной борьбе и устремлениям нетурецких народов империи, которые автор рассматривал только как результат подстрекательства внешних врагов Турции.

При всех разногласиях, среди которых протекала борьба турецких конституционалистов с внутренними консервативными силами страны за ограничение абсолютизма и монархического деспотизма в Османской империи, турецкую феодально-клерикальную реакцию и конституционалистов неизменно сближали, а временами и объединяли задачи борьбы с национально-освободительными движениями, а потому постоянная готовность во всем противодействовать России. Разжиганием подобных настроений каждая из этих политических группировок укрепляла свои позиции. Для конституционалистов такая позиция означала сильное ослабление прогрессивного значения борьбы за конституцию, ибо Мидхат и его единомышленники постоянно стремились проводить в жизнь реакционную политику подавления национально-освободительных движений нетурецких народов Османской империи. Продиктованная этим, а также сиюминутными тактическими замыслами, их политика в русско-турецких отношениях стала в 1876—начале 1877 гг. серьезным обостряющим фактором. Очевидно, что первые турецкие конституционалисты резко обострили своей агитацией и пропагандой русско-турецкие отношения, что во многом способствовало перерастанию конфликта в войну.

**ՌՈՒՍ-ԹՈՒՐԿԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ԵՎ ԱՌԱՋԻՆ ԹՈՒՐԿ ՍԱՀՄԱՆԱԳՐԱԿԱՆՆԵՐԸ (1875—1877 թթ.)**

Յու. Ա. ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ)

Ա. մ. փ. ռ. ի. մ.

Հոգսածոմ բնություն է առնվում պատմաբանների կողմից քիչ ուսումնասիրված այն հարցը, թե ինչ ազդեցություն է ունեցել թուրք սահմանադրական շարժումը ռուս-թուրքական հարաբերությունների վրա 1875—1877 թթ. Առեկյան ճգնաժամի շրջանում: «Համակայսերական հայրենասիրության» լուգունգով հանդես եկող, կաշարության ոչ թուրք յոդովուրդների ազգային-առասագրական պայքարի իրավունքը ժխտող թուրք սահմանադրականների «նոր օսմանների» պարազլուխները և զաղափարախոսները բացահայտ հակառուսական պրոպագանդա էին վարում:

Վերլուծելով ռուս-թուրքական հարաբերությունների զարգացումը և 1876 թ. առաջին թուրքական սահմանադրության համար տրվող պայքարի ընթացքը, դալիս ենք այն եզրակացություն, որ սահմանադրականների պատգելու Մեղճատ փաշան և նրա համախոհները ցանկանում էին իրենց սահմանադրական նպատակներին հասնել նախ և առաջ «համասմանյան հայրենասիրության», Բալկաններում ծագած ապստամբությունների վճռական շնչման և Ռուսաստանի նկատմամբ խիստ քաղաքականություն վարելու միջոցով: Թուրք կղերաֆեոդալական ռեակցիային և սահմանադրականներին մշտապես մերձեցնում, իսկ ժամանակ առ ժամ ունակ նաև միավորում էին աղգային-ազատագրական շարժման ղեմ պայքարելու խնդիրները, հետիվարար և ամեն ինչում Ռուսաստանին ղեմ գնալու մշտական պատրաստակամությունը: Հոգվածոմ ցույց է տրվում, որ թուրք սահմանադրականների քաղաքականությունն ու պրոպագանդան 1876 թ. և 1877 թ. սկզբին ռուս-թուրքական հարաբերությունների սրման լուրջ գործոն դարձավ, մեծապես նպաստեց այն բանին, որ կոնֆլիկտը վերաճի պատերազմի:

⁶⁹ И. Е. Фадеева. Указ. ссч., с. 103.